

Александр
Никонов

За фасадом империи

Краткий курс отечественной мифологии

Александр Петрович Никонов

За фасадом империи. Краткий курс отечественной мифологии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3957165

За фасадом империи. Краткий курс отечественной мифологии /

Александр Никонов: Энас, Питер; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149263-2

Аннотация

Книга «За фасадом империи. Краткий курс отечественной мифологии» – рассуждения на тему формирования российского народа под влиянием исторических, политических, общественных и климатических факторов. Автор смело разрушает мифологемы, разбирает культурные особенности и демонстрирует стереотипы, свойственные последней эпохе.

Прочитав книгу, вы узнаете:

- что поспособствовало становлению психологии россиян;
- почему именно так устроены различные государственные структуры;
- как формировалась психология общенности в постсоветском пространстве;
- какие исторические события предшествовали нынешнему положению дел в стране.

Книга «За фасадом империи. Краткий курс отечественной мифологии» для вас, если вы хотите прямых ответов без увиливаний и прикрас и предпочитаете честную точку зрения.

Содержание

Часть первая	38
Глава 1	40
Глава 2	59
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Никонов

За фасадом империи.

Краткий курс

отечественной мифологии

*Отцвела в тени казарм наша молодость
На едином проспиртованном выдохе...*

Сергей Данилов

В оформлении обложки использована репродукция картины А. Ложкина «У стен Московского Кремля в XVII веке» (Музей Хиллвуд)

Почему русские не улыбаются?

На этот вопрос ответить непросто, хотя задают его часто. После того как рухнул железный занавес, мы сами отметили за собой эту черту, ранее незамечаемую, – повышенную угрюмость. Почему раньше это нами не виделось, понятно: сравнивать было не с чем. Если человеку под гипнозом внушить страх, а потом вывести из транса, его будет продолжать трясти. Но если спросить, как он себя чувствует, человек ответит: «Нормально». Свое состояние он воспринимает как норму, это его точка отсчета. И только если испытуемому объяснить, что его погружали в транс и внушили чувство ужаса, он осознает: «Ах, вот почему меня всего колотит!..»

Так вот, когда рухнул железный занавес, миллионы людей отправились за его руины и с удивлением обнаружили разницу: за границей люди беспричинно улыбаются друг другу, а на родине у всех губы в суровую нитку. Колючие взгляды. Равнодушие. Человек лежит на улице – граждане проходят мимо. Тонет пассажирское судно с детьми, два корабля равнодушно проходят по Волге мимо. Мертвый человек с разбитой головой лежит на пляже в Лыткарино, вокруг него переминается наряд милиции в ожидании криминалистов, а в ста метрах от трупа располагаются приехавшие отдыхающие и спокойно начинают жарить на мангале мясо.

Это Россия...

На вопрос, как дела, никогда не получишь радостного ответа «Прекрасно!» В лучшем случае бросят сухое «нормально», что в дополнении к невеселому виду можно перевести как «не сдох пока еще». А некоторые в ответ начинают жаловаться, словно оправдываясь за свою, в общем-то, неплохо протекающую жизнь. Будто если сказать «у меня все хорошо», это самое «все» тут же отнимут...

Русские не только не улыбаются. Они и жить не хотят. Электрик, который тянул проводку на даче моего знакомого, делал это с видом настоящего мученика, а на третий день работы с надеждой спросил небо: «Когда ж я сдохну?»

По уровню самоубийств Россия на одном из первых мест в мире. По уровню убийств, пожалуй, на первом, если учитывать не лукавую статистику МВД, а реальное положение дел. Лживую статистику МВД в расчет брать не стоит, поскольку только в одной станице Кущевская, куда после шумного массового убийства нагрянула высокая комиссия из Москвы, обнаружилось более 1500 скрытых от учета местной милицией преступлений, включая тяжкие. А если копнуть не в одном населенном пункте, как копнули, а по всей стране?..

Восьмисотстраничный том с характерным названием «Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности» весит немало. Авторы этого исследования из НИИ Академии Генпрокуратуры около 10 лет изучали положение дел с учетом преступлений в России и пришли к печальным выводам: полная моральная деградация населе-

ния и тотальное гниение органов правопорядка. Органы бодро рапортуют о снижении убийств и прочих преступлений, а их количество год от года растет. Пример: официально в 2009 году зарегистрировано 3 миллиона преступлений, а по данным НИИ их было совершено 26 миллионов. На порядок больше...

Но главное, конечно, убийства. Если в отчетности их число неуклонно снижается, то по факту стабильно растет. В упомянутом году МВД зарегистрировало 18 тысяч убийств, а одних только заявлений об убийствах людьми было подано более 45 тысяч! При этом количество найденных неопознанных трупов составляет 78 тысяч. А пропавших без вести (читай, не найденных трупов) – 48,5 тысяч. Плюсуйте сами.

Половина граждан, умерших в возрасте от 20 до 40 лет, ушло на тот свет в результате «контакта с тупыми и острыми предметами».

Но если на секунду поверить лживой статистике МВД, которая часть убийств переводит в графу «тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой смерть», все равно, даже по официальным данным, Россия по уровню убийств находится на одном из первых мест в мире (наша страна входит в так называемую Большую криминальную двадцатку, наряду с Гондурасом, Намибией, Суринамом...) И это, повторюсь, по официальным данным, многократно заниженным!

Что означает подобная статистика самоубийств и убийств?.. Нация активно самоистребляется. Тут не до улы-

бок!

Сама природа, кажется, помогает россиянам в их нежелании влачить брэнное существование. Продолжительность жизни во всем развитом мире растет. И даже в недоразвитом растет. И в странах, находящихся в промежуточном положении – в так называемом втором мире – тоже растет. Только у нас падает. Причина в бедности? Нет! По данным на конец 2008 года продолжительность жизни мужчины в странах Евросоюза в среднем – 76,5 лет; а, скажем, в Боснии, которую богатой страной не назовешь, 75 лет. В нищей Индии, где миллионы людей обитают в картонных коробках и стирают в канаве, – 67 лет. А в России – 59,2!

И это вовсе не связано с горбачевской перестройкой и «гайдаровскими либеральными реформами, которые привели нас к нищете», как любят порассуждать отдельные идиоты за рюмкой коньяка, нанизав на вилку кусок малосолевой семги, – мол, капитализм оказался несовместим с социалистической российской генетикой. Народ, типа, потерял уверенность в завтрашнем дне. То ли дело при Советах – все были в завтрашнем дне уверены, потому жили долго и весьма припеваючи...

Все ровно наоборот! В последние несколько лет средняя продолжительность жизни в России как раз выросла примерно на три года – именно благодаря экономическим реформам и росту уровня жизни. А загадочное и противоестественное падение продолжительности жизни советского че-

ловека началось аккуратно в самый разгар «социалистического благолепия» и «уверенности в завтрашнем дне» – в шестидесятые годы. То есть в те годы, когда, по мнению красных, народ прямо-таки оргазмировал от социализма.

Знаете, бывает так, что раковый больной, страстно желающий жить, перебарывает смертельную болезнь. А бывает, что здоровый человек настолько не хочет жить, что стареет на глазах и быстро умирает. Так, например, происходит с пожизненно заключенными, не имеющими надежд выйти на волю. К сорока годам они уже старики. Им незачем жить. И природа быстро прибирает их, включив ускоренное старение.

За что же природа прибирает русских?

У моего отца, которому на момент написания книги давно перевалило за 80 и который бодр, здоров и подвижен, есть такая поговорка. Каждый раз, поднимая на очередном своем дне рождения тост и выслушав пожелания многочисленной родни жить подольше, он отвечает: «Рад стараться, и охота есть!»

А чего ему не жить в охотку, если жизнь приносит только радость? Приезжают дети на день рождения. И внуки. И родственники. И все веселые. Пенсия большая. В магазине всего полным-полно. Собака добрая. Чего не жить?

Мой отец – совершенно нетипичный русский... А книга моя – о типичных россиянах. И о том, что их сделало такими.

О качестве жизни в стране можно судить по экономи-

ческим параметрам. А можно по биологическим. Ну представьте себе, что никаких экономических данных о жизни в стране у нас нет. На секундочку. Вот такая вот странная попалась страна – нету по ней никаких данных и все тут! Но зато у нас есть биологические данные, характеризующие вид разумных существ, ее населяющих. И мы, например, видим, что продолжительность жизни особей растет, а сами они становятся крупнее. О чем это говорит?

Из биологии мы знаем: в зоопарке животные живут дольше – за ними тут уход надлежащий, полноценное витаминизированное питание, врачи и антибиотики, никаких стрессов от набегающих хищников, половое общение... Мы также знаем, что при недостатке питания размеры особей уменьшаются. Если мало кормить, оно плохо растет, что понятно. И если постоянно стрессовать, организм тоже расти не захочет. Жена тверского губернатора, усыновившего детдомовского ребенка, рассказывала газетчикам: «...там все дети такие! Вот заходишь в группу, и они все там ужасно маленького роста. У них психосоциальная малорослость. В силу стресса дети там не растут и не развиваются». Психосоциальная малорослость и недоразвитие – такой диагноз я бы поставил всему нашему обществу...

Когда-то советские газеты с восторгом писали об акселерации, то есть о том, что поколение послевоенных детей в среднем выше своих отцов и дедов. И вправду, после войны дети стали расти. И вправду, поколение их отцов и дедов ве-

ликанским не было – когда в германские города входили победным маршем советские войска, немцы воспринимали наших солдат как малорослых и кривоногих. Это был типаж...

Как описывал Войнович своего Чонкина – этот собирательный образ русского солдата? Вот как: «Иван Васильевич Чонкин, низкорослый и кривоногий, был человеком сугубо деревенским...»

Как мемуарист Н. Никулин в книге «Воспоминания о войне» описывал наших воинов? Вот как: «Пришла дивизия вятских мужичков, низкорослых, кривоногих, жилистых, скуластых».

Как польский художник Адам Мацедоньский рассказывает о вступлении советских оккупационных войск в Польшу в 1939 году? Вот как: «...большевики, которые вошли, не выглядели как армия... все – страшно низкие. Моя мама смотрела в окно, потому что день и ночь охраняла дом, смотрела из-за занавески и вдруг воскликнула: «О, Боже, да ведь они детей в армию берут!» Потому что эти большевики были все такие маленькие».

А после войны началась акселерация. И это понятно: кончилась война с ее стрессами, перегрузками и недоеданием, улучшилась жизнь, подох тиран, закончились репрессии, страна вздохнула оттепельной свободой. Казалось, дальше будет только лучше, от грязи мы избавились раз и навсегда... Дети стали расти.

Росли дети, росла продолжительность жизни. Но это про-

должалось недолго. Некоторые экономисты (профессор Э. Брейнерд, например) полагают, что рост уровня жизни в СССР завершился к концу шестидесятых. И стал снижаться, несмотря на победные религии официальной статистики. Но мы к экономистам обращаться не будем, как и договорились ранее, мы с вами идем антропологической дорогой. Поэтому посмотрим на биологические показатели. Что мы увидим?

Акселерация внезапно закончилась. Средний рост детей расти перестал и начал снижаться. Наиболее длинными оказались дети восторженных шестидесятников. Рожденные в восьмидесятых были уже на несколько сантиметров ниже и детей шестидесятников, и своих европейских сверстников. Акселерация сменилась ретардацией – замедлением физического развития. Это может говорить только об одном – об ухудшении условий жизни. В чем они заключались? В ухудшившемся питании? Ухудшившемся медицинском обслуживании? Росте стрессогенных факторов?

А может быть, это просто естественный колебательный природный процесс, связанный, например, с солнцем? Но почему тогда светило не подействовало на американских детей? (Кстати, любопытный фактик в копилочку либерализма: акселерация детей вновь возобновилась после крушения советской власти, когда исчез дефицит продуктов и выросло их разнообразие.)

Быть может, на ретардацию можно было бы и плюнуть, но параллельно с ней шли и другие процессы, не допускавшие

иных толкований, кроме ухудшения условий жизни. Начала расти детская смертность, стала падать средняя продолжительность жизни.

Детская смертность начала расти с 1971 года, а продолжительность жизни мужчин – самого чувствительного элемента двуполой биологической системы – стала падать еще раньше, с середины шестидесятых, аккурат, когда сместили Хрущева и начали вновь закручивать гайки. Обидно, ведь к тому времени советские люди почти догнали по продолжительности жизни американцев – советские показатели отставали от американских всего на пару лет. С тех пор разрыв только увеличивался, и к восьмидесятым годам советские мужчины жили короче американских на 8,5 лет. После этого на все разговоры о том, что уровень жизни в СССР был необычайно высок и что Советский Союз был весьма развитой в экономическом плане страной, можно наплевать и забыть. От хорошей жизни люди не мрут, как мухи... Судя по скорости вымирания русских к середине XXII века, как полагают некоторые эксперты, нас не останется на планете вовсе.

Что же с нами происходит?..

Один слепой старенький профессор рассказал мне как-то чудесную историю:

– Моя секретарша снимала комнату в квартире у старухи. В комнате старухи стояла новая, недавно купленная кровать – роскошная, с балдахинном, с бронзовыми шишками... Но старуха на ней не спала, она даже не сняла с матраса по-

лиэтилен, оставила для сохранности. А сама спала рядом с кроватью, на полу. И на вопрос почему, ответила: «Я на этой кровати помирать буду!» В этом вся наша ментальность. Она больше заточена на красивую смерть, а не на красивую жизнь. «На миру и смерть красна».

Слишком хорошая вещь, чтобы ей пользоваться – вот в чем причина... У нас вещи ценят больше, чем людей. Чем себя. Этот отголосок деревенской нищеты я замечал у многих людей старшего поколения. Однажды я на день рождения подарил гениальному профессору Нурбею Гулиа карманные часы. Полюбовавшись подарком, он тут же спрятал их подальше. Прямо в коробочке заховал. А чего зря хорошую вещь тереть, пусть лежит! На черный день отложил?..

Или вот история. Подарил я своему отцу на день рождения набор острых японских ножей. Он, полюбовавшись блеском стали и восхитившись остротой лезвий, аккуратно положил все обратно в коробку и убрал подальше. После чего снова стал резать хлеб своим старым, тупым ножом, сделанным когда-то из полотна косы и давно потемневшим от коррозии, со страшенной деревянной ручкой на трех медных заклепках... А чего? Этот ножик не жалко. А хорошую вещь прибережем. То же самое происходит у него с дорогими бутылками. Особенно если они в красивых коробках. Стоят годами!

И во мне это сидит, признаюсь. Вот свечка. Красивая, вычурная, декоративная, разукрашенная, фигурная. В поли-

этилене, чтобы не пылилась.

– Давай ее зажжем, – предлагает жена.

– Нет! – я коршуном выхватываю у нее эту свечку, бережно поправляю упаковку и прячу подальше.

Зачем?

Помню, довелось мне услышать рассказ про одного нашего колхозника, попавшего во время войны батраком в немецкий плен, на ферму к какому-то бюргеру. Фрау хозяйка провела батрака в его комнату, где он обнаружил кровать, застеленную белыми простынями. А когда настала ночь, советский колхозник лег рядом, на прикроватный коврик – дабы не порушить своим недостойным телом этой ослепительной белизны.

Вот еще одна история – того же времени, из военных мемуаров. Дело происходит в Германии, советский офицер рассказывает о немецких автобанах, которые так поразили вступивших в Германию наших: «Как это ни странно, но автостреды Германии не сразу получили признание со стороны русских. По каким-то причинам мы избегали пользоваться ими в первые месяцы после капитуляции».

Для автора самого эта нерешительность русских загадочна. Но природа ее та же, что и у русского колхозника, в нерешительности замершего перед белоснежной простыней: «я, такой заскоружный да на такую красоту?..»

Что скажет психолог, выслушав эти истории? Он будет неумолим: эти люди подсознательно считают себя недостой-

ными тех благ, которые оказались в их руках. Поразмыслив, пожалуй, соглашусь: русские считают себя недостойными. Недоделанными. Недочеловеками. Отсюда и этот вечный комплекс перед европейцами, это вздохательное сожаление: «Нет, мы не Европа...»

Конечно, это идет от нищеты. От извечной униженности. Он перманентного ожидания черного дня, на который нужно сделать припасы. От смутного понимания того, что Россия – страна какая-то не такая. И вот последнее – совершенно верно. Все наши ментальные проблемы лежат в природе нашей страны. Дело в том, что Россия – не настоящая страна. И подсознательно это всеми ее жителями ощущается. Бедняжки только сформулировать не могут.

А я могу.

Россия – страна муляжей. Страна мифов. Страна действующих макетов. Страна-зомби.

Оглянитесь вокруг. Во всех странах есть армии. В нашем государстве армии нет. Основа нашей армии – стадо невольников.

А чего можно ждать от рабов? Раб есть подневольный человек, лишенный свободы. Раб обязан беспрекословно выполнять чужие приказы, а если он их не выполняет, его жестоко наказывают. Когда российского гражданина против его воли хватают и отправляют служить в армию, его по сути превращают на время в раба. Это называется призывным способом комплектования армии. А бывает способ более

цивилизированный – добровольческий. Практически во всем развитом мире армии формируются по добровольному найму. Последней развитой страной, отказавшейся от института временного рабства, была Германия, которая совсем недавно перешла на добровольную армию. Теперь рабский принцип комплектования сохраняют только дикие и недоразвитые страны. Один взгляд на призывную карту мира сразу все объясняет. Страны, имеющие призыв, густо располагаются в Африке, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. И Россия в числе этих цивилизационных аутсайдеров.

Среди развитых стран единственным и объяснимым исключением является Израиль, уже которое десятилетие ведущий перманентную ползучую войну с враждебным окружением. Там призывная армия. Там иначе нельзя. Там служат даже женщины, а мужчины тянут ляжку аж три года. Однажды на тесных улочках Иерусалима я разговорился с израильским солдатом. Это был сибиряк – открытое лицо, голубые глаза, ямки на розовых щеках. Родители приехали из Сибири в Израиль, когда он учился в старших классах, и вот теперь он сам патрулирует улицы с М-16 на плече.

– Не тяжело три года служить? – без задней мысли спросил я. – У нас теперь год служат.

– Тяжко у вас год служить, – ответил он. – Легче в Израиле три, чем в России один.

Потому что в России не армия, а подделка, в которой дают пару раз за весь срок службы выпустить три патрона из ав-

томата в мишень и учат не воевать, а красить траву зеленой краской, шагать по плацу, высоко поднимая ноги, собирать окурки.

И партий у нас нет. Вместо партий, выражающих интересы неких социальных групп, у нас макеты, являющие собой всего лишь социальные инструменты, используемые властью для контроля над макетным же парламентом.

И суда у нас нет.

В России нет судебной системы. А есть муляж. Издалека глянешь – вроде, суд. А вблизи рассмотришь – макет судебной машины из папье-маше. На Западе количество оправдательных приговоров достигает трети. То есть суд свою сепарационную функцию выполняет. В судебной схеме любого западного государства стоит мощный логический блок, принимающий решения на основе входящих данных. У нас оправдательных приговоров практически нет. Число их не превышает нескольких долей процента! То есть, выражаясь технически, российская судебная машина, доставшаяся нам по наследству от СССР, работает с надежностью заводского штамповочного пресса. Это значит, что в социальной машине нашего общества вместо необходимого счетно-решающего устройства, стоит черная коробка такого же цвета и размера. Но если ее открыть, мы не увидим там сложной логической схемы. А увидим прямой провод, тянущийся от входа к выходу. И в середине – крохотный резистор, поставленный для отвода глаз. Он чуть-чуть сбрасывает просимый проку-

рором срок заключения для создания видимости самостоятельной деятельности. Но приговоры в наших судах – это на 90 % переписанное прокурорское обвинение.

В кулуарах «Останкино» один адвокат рассказал мне историю. Судья дал его подзащитному небольшой срок, хотя тот был невиновен. Это понимали и сам адвокат, и судья. Позже, встретив случайно в лифте адвоката, судья извинительно обратился к нему:

– Иван Иванович, я понимаю, что ваш подопечный невиновен, но сделать ничего не могу...

Почему не может? Потому что система не позволяет выносить честный приговор. Она не поддерживает такой опции.

История вторая... На программе Соловьева «Поединок» бывший адвокат, а ныне крупный государственный чиновник Михаил Барщевский, услышав, что парню за изнасилование после долгого-долгого и неоднократно возобновляемого следствия дали 4 года, сказал: «Вы же понимаете, если ему за такое преступление дали всего 4 года, это значит, что он невиновен».

Система работает следующим образом: если человек невиновен, ему дают небольшой срок или условное наказание. И будьте уверены, что, если против вас завели уголовное дело, обвинительный приговор вы получите с практически стопроцентной вероятностью. Потому что у нас нет суда. А есть карательный придаток к прокурорской машине, сделанный в форме суда. Массогабаритный макет. Кастет в фор-

ме статуи Фемиды. Ваш срок будет чуть меньше просимого прокурором. Эта малая редукция – тот максимум самостоятельности, на которую способен российский «суд», она существует для создания видимости судебной независимости.

В том редчайшем случае, когда в судебную систему попадает честный человек, система его немедленно выдавливает, исторгает из себя, как организм человека исторгает занозу. Не приживается «честная заноза» в судебной машине России.

Это всем известно, об этом пишут газеты. Вот, например, что «Комсомольская правда» рассказывает о выдавленной за пределы судебной системы судье Кудешкиной: «Летом 2003 года к Ольге Кудешкиной, судье первого квалификационного класса с 20-летним стажем, попало несложное дело о превышении должностных полномочий старшим следователем по особо важным делам следственного комитета МВД.

– На процессе странно вел себя гособвинитель – не давал нам допрашивать потерпевших. Постоянно заявлял отводы суда. Потом меня вызвала руководительница. Из разговора стало понятно: нужен обвинительный приговор. Я не подчинилась и рассказала об этом процессе. В итоге меня обвиняют в распространении ложных сведений... Не выполнишь просьбу председателя суда – найдут, как наказать, к чему прицепиться. Мы же полностью зависим от председателя! Он и дела распределяет, премии начисляет... Никто не хочет, чтобы его постигла такая же участь, что меня или

многих других судей. Если ты попадаешь в список ненадежных, обязательно найдется повод, чтобы убрать такого судью... Но самое страшное, когда дела заказные или свой интерес проявляют органы власти: исполнительной, законодательной... Словом, представители той власти, от которой зависит председатель суда. Там судья вообще ничего сделать не может. Какой бы честный он ни был. Либо он должен отказать от рассмотрения дела, либо выполнить указания... У нас 90 процентов судей не имеют морального права быть судьями».

Один из адвокатов прокомментировал этот материал в «КП» так: «Я, как практикующий адвокат, полностью подтверждаю описанное. Скажу больше. Если раскрыть всю картину беспредела в судейском сообществе и в правоохранительной системе, жить не захочется... да и не поверит обыватель... пока сам не столкнется».

Помню, один мой коллега-журналист Булат Столяров рассказывал много лет назад:

– Был у нас один честный судья по фамилии Пашин, у которого процент оправдательных приговоров был выше, чем у прочих. Судейское сообщество его выкинуло из своих рядов.

Я фамилию запомнил и через несколько лет встретил на записи одной из телепрограмм господина Пашина и пожал ему руку.

Вот что рассказывал прессе выдвинутый за честность из

судебной системы бывший судья Пашин: «...меняется фасад, а внутри суд остается советским и карательным. Косметическим ремонтом нашу судебную систему делают похожей на европейскую, чтобы создать хороший имидж на Западе. Но все новшества нейтрализуются старыми технологиями работы, чтобы суды оставались управляемыми и обеспечивали интересы бюрократии. Отсюда и деформация – изменение формы без изменения сути... В России судебная власть никогда не была соперником режима, никогда ему себя не противопоставляла. И поэтому режим считает суды своей частью. Председатели судов и их заместители входят в номенклатуру и легко путешествуют по властным креслам... Судья всегда на стороне следствия. Обычно прокурор передает судье дискету с текстом обвинительного заключения, и потом приговор выходит с теми же грамматическими ошибками».

А ведь когда-то суд в России был! При царе. Проведенная в эпоху Александра II судебная реформа сделала Россию с ее знаменитым судом присяжных одной из самых прогрессивных в юридическом смысле держав. Но потом в стране что-то сломалось. Что? Как и почему вместо суда возникла обманка?.. А ведь у нас не только суд, и не только армия представляют собой макеты. У нас вся система власти в недавнем историческом прошлом являла собой грандиозный макет: парламент, именуемый Верховным Советом, плюс все без исключения министерства и органы местной власти – все

это было грандиозным муляжом, который «царствовал, но не правил», а управляла страной совершенно другая сила, параллельная.

Впрочем, «ненастоящность» страны проявляется не только в макетности ее социальных институтов, их мимикрии под западные образцы. Но и в конкретных материальных предметах. Отдельные философы и социологи заметили это примерно четверть века назад, на излете советской власти. В тогдашней прессе о подобном уже можно было писать, и наблюдатели сей феномен описывали: на Западе автомобиль, а у нас «Жигули» – макет автомобиля. На Западе стали выпускать сумки с рисунками, и у нас кинулись их делать, только не с красочным ковбоем «Мальборо», а с тусклой Аллой Пугачевой. Но лик Пугачевой, нанесенный через трафарет дурной краской, быстро облезал с дурной подложки. Вместо сумки получалась ее дурная пародия. Как бы сумка. Подделка.

Наши кассетные магнитофоны, сделанные по образцу японских, так и оставались неудачными макетами настоящей техники – они жевали пленку, хрипели и ломались. Цветные телевизоры, при том, что стоили две-три зарплаты высококвалифицированного рабочего, не вылезали из гарантийных ремонтов, взрывались и горели...

Ваш покорный слуга на излете Совка работал в науке. И не где-нибудь, а в центральном отраслевом институте. И могу вам ответственно заявить – наша прикладная наука тоже

была во многом макетной. Надувающей щеки. Делющей вид науки.

Создание видимости функции вместо функции, макета вместо вещи – суть России. И началось это не вчера. Чего ж удивляться российской отсталости? Опросы общественного мнения и социологические работы показывают, что российские граждане, в отличие от нормальных, отличаются инфантильностью, истероидностью, подозрительностью, иррациональной верой во всемогущество государства, несамостоятельностью, неумением брать свою судьбу в свои руки и отвечать за нее, а также повышенной обидчивостью. Последнее – следствие слишком большого значения придаваемого словам, что также является показателем дикарства. У нас человека можно взорвать словом, как мусульманского фанатика карикатурой. Это признак нецивилизованности. Известно, что психология дикаря и психология уголовника схожи. Проваливаясь в дикий мир тюрьмы и зоны с его примитивными законами выживания, люди примитивизируются. Но именно в среде уголовников в ходу фраза «за базар ответишь». Причем, за нарушение словесного табу можно ответить и жизнью. Высокая цена слова – признак дикости. У нас цена слова, к сожалению, высока. А, кроме того, у нас катастрофическая разница между словами и делами, что говорит о тотальном двоемыслии и двойной морали. У нас любят говорить, а не делать. Имитация деятельности. Вот пример...

На словах одобряя благотворительность, на деле россияне

на удивление глухи к чужому горю: в мировом рейтинге благотворительности Россия стоит на одном из последних мест в мире. Даже Палестинская автономия, Ирак и Эфиопия нас обгоняют.

Пишет в своем блоге одна россиянка, сравнивая две действительности:

«... выдержка из книги Рубена.

Америка. "Я переезжаю на красный свет. Это и не удивительно. Я перехожу первую в моей жизни улицу. Коляска еще не совсем послушна приказам моей парализованной руки. Машины стоят. Из машины, стоящей в левом крайнем ряду, высовывается радостный водитель, машет рукой и кричит что-то ободряющее. Подходит полицейский. По моему ошалелому виду он догадывается, почему я нарушил правила.

– У вас все в порядке?

– Да.

– Вы поступили очень правильно, когда решили выйти на улицу. Удачи вам!"

А вот эпизод из нашей жизни.

Россия. Пытаемся с мамой залезть в автобус, я никак не могу нащупать ступеньку. Мама успокаивает меня, говорит: «Не торопись». Наконец нога находит ступеньку, и мы робкими шагами входим в автобус. Водитель высказывает претензии, мы сильно задержали автобус, а у него план. В следующую секунду водитель рвет автобус с места, и мы с ма-

мой летим в конец автобуса. Приземляемся мы неудачно, у меня болит рука, а мама набила синяк на ноге. Когда пришли в себя, мама сказала что-то водителю, а он в ответ: "Какого черта, ты с больным ребенком, болтаешься по городу, сидела бы дома".

С подобной эмоциональной глухотой я столкнулся и сам, пробивая идею эвтаназии. Помню, на одной радиопрограмме мне оппонировал какой-то пожилой не то психотерапевт, не то психиатр, не то просто псих, который утверждал, что люди, которые находятся в терминальной стадии рака и испытывают нечеловеческие мучения, все равно не имеют права на эвтаназию и должны мучиться. Потому что... И далее шли какие-то слова, с помощью которых этот Айболит пытался обосновать, почему люди должны испытывать нечеловеческую боль.

Боль... Это самое страшное, что может выпасть на долю человеческую. Однажды пошла моя жена выдирать зуб. Замерозили ей. А заморозка не подействовала. И доктор Менгеле из районной поликлиники начал рвать зуб на живую. На уверения пациентки, что ей больно, он только кряхтел: «Не может быть!»

– А у меня чуть болевой шок не случился, – плакалась потом жена.

Боль... Она одна может с вести с ума и убить. Превратить разумное существо в скулящее, воющее, обезумевшее животное.

Я рассказал на той радиопрограмме один реальный случай, произошедший в России. Только представьте. Два пожилых супруга, проживших вместе целую жизнь. Небольшая квартира. Скромный быт. Она заболевает раком. Они оба борются с ее болезнью. Безуспешно... И вот в терминальной стадии болезни, когда страшные боли уже не могут купировать никакие болеутоляющие, женщина легла на кровать и выла. Вскоре она сорвала голос и уже просто хрипела. Ее муж, будучи не в силах помочь, лег рядом, обнимал ее, воющую, и выл вместе с ней. Так продолжалось месяц, пока она не умерла от болевого шока.

Я рассказал эту историю своему собеседнику и слушателям. Я рассказал ее в черную пустоту. Выслушав меня, и радиослушатели, и мой собеседник, помолчав секунду, снова продолжили говорить пустые слова и выстраивать какие-то теоретические конструкции, обосновывающие, почему эвтаназию пытаемым болезнью людям позволять ни в коем случае нельзя. Они просто не услышали! Пропустили мимо ушей. Не прочувствовали. Чужие крики боли и ужаса пролетели мимо их равнодушного сознания. Как с гуся вода.

Ноль эмпатии.

Мне как-то довелось прочесть об одном исследовании маньяков. Специалисты, его проводившие, утверждали, что люди, которые совершили самые страшные и кровавые преступления – садистические насилия над детьми и пр., – на самом деле очень больны: у них то ли недоразвиты, то ли

просто заблокированы те зоны мозга, которые отвечают за эмпатию. То есть за сочувствие к другим живым существам.

Россия больна именно этой болезнью. У нее атрофирована эмпатия.

Зато у нас очень любят выстраивать разные теории и транслировать всяческие мифологемы, оправдывающие абсолютное бездушие. И обвинять при этом в бездушии «бездуховный Запад». Эвтаназия невозможна, поскольку жизнь человеческая принадлежит богу... Эвтаназия невозможна, поскольку вдруг больной потом передумает? Пусть уж лучше помучается... Эвтаназия невозможна, поскольку будут какие-нибудь злоупотребления!.. А вдруг произойдет чудо, и больной в терминальной стадии, когда начались предсмертные боли, неожиданно выздоровеет? Пока таких случаев не было, но вдруг!..

Они не слышат криков. Они развивают теории. И поносят «жестокий к людям Запад, где все думают только о деньгах, а о людях не заботятся».

Действительно не заботятся. Вот Швейцария. Горы. Висит табличка на нескольких языках: «Осторожно! Впереди пропасть».

– Почему перила не поставили? – возмущается инфантильный русский турист. – А вдруг кто-нибудь пойдет и свалится?

– Зачем же он пойдет, если табличка написана? Взрослому человеку достаточно предупреждения, – отвечают рус-

со-туристу. – Взрослый человек сам за себя отвечает. Хочет – пусть рискует, он предупрежден.

– Так нельзя, – упирается русский, не привыкший к подобной степени свободы и самостоятельности. – А вдруг человек дурак? Дураков-то полно! Я, допустим, не пойду, но другой непременно попрется и упадет. Надо ставить перила, надо ограждать... Не заботитесь вы о людях! У нас в России все по-другому!

Это правда. У нас все рассчитано на дураков. На инфантов, которых нужно хватать за руку и оттаскивать от пропасти. Которым нельзя доверять. По опросам, 70 % россиян не доверяют друг другу, полагая окружающих опасными и глупыми. Такого показателя нет больше нигде в мире! Отчасти это недоверие к согражданам распространяется и на самих оценивающих: «Нельзя давать нашим людям оружие! А вдруг я кого-нибудь убью?!»

При этом в «не заботящейся о людях», «бездуховной» Швейцарии когда церковь инициировала всенародный референдум об отмене эвтаназии и «смертельного туризма», швейцарцы законопроект о запрете того и другого прокатили. В этой стране эвтаназия узаконена давно. И потому в Швейцарию стремятся люди из тех стран, где она пока еще вне закона. Это и называют «смертельным туризмом» – когда люди едут, чтобы не вернуться, взяв билет в одну сторону. Едут, чтобы культурно умереть, а не вышибать себе мозги на стену из двустволки, будучи не в силах терпеть боль. Так

вот, люди идеи – церковники, которым наплевать на чужие страдания, решили положить конец гуманной практике эвтаназии. Их законопроект был вынесен на всенародное обсуждение и, как я уже сказал, провален. Потому что швейцарцы полагают: каждый сам вправе распоряжаться своей жизнью без оглядки на церковь, чиновников, партию и правительство. И еще они слышат крики боли. А у нас в духовной и «встающей с колен» России очень любят поговорить о боге и прочих абстрактных идеях. При этом совершенно не замечая конкретной боли конкретных людей.

Почему мы такие?

Почему Тойнби назвал русскую историю «абортированной культурой»?.. Почему социолог, доктор философских наук, директор Аналитического центра Юрия Левады Лев Гудков с ним согласился, сказав, что в России происходит «периодический сброс сложностей социального устройства и редукция социальных систем и самого человека к более простым и архаическим моделям»?.. Почему публицист Илья Мильштейн в порыве публицистического прозрения написал, будто Россия все время «выламывается из самой себя и из собственной истории»?..

Многие исследователи смутно догадываются, что корни наших сегодняшних ментальных бед в недавнем тоталитарном прошлом. Но в чем корни наших вчерашних и позавчерашних бед? Ведь история Россия – такая ломаная-переломанная – началась не вчера!.. Такое ощущение, что един-

ственный закон истории России – постоянно взламывать, не соблюдать законы исторического развития, которым подчиняются другие страны. Поэтому там строят сооружения (в широком смысле этого слова), а у нас хотят строить сооружения, а получаются каждый раз макеты?

Социолог Анна Шор-Чудновская пишет: «О российском обществе трудно сказать что-то более точное и правдоподобное, чем то, что оно «постсоветское». Прошло почти двадцать лет без Советского Союза, но и социальная, и политическая жизнь все еще отмечены состоянием «после», состоянием, в котором настоящее соотносится с советским опытом и в котором нужно делать непростой выбор о принятии или непринятии последнего».

Это верное наблюдение. Верное, несмотря на то, что многие западные исследователи отрицают самое существование человека постсоветского как особой разновидности или «подвида» *homo sapiens*. Чудновская полагает, что отрицание – это следствие необычности проблемы: «Мучительный процесс выяснения отношений с опытом советского тоталитарного, позднее авторитарного государства – явление совсем новое, социальными и политическими науками до сих пор плохо описанное. Теоретическая формула, которая объясняла бы влияние такого опыта на дальнейшее общественное развитие, пока неизвестна».

Однако, как верно замечает социолог, именно оставшиеся

от прошлого мемы¹ оказывают губительное влияние на нас и наших детей, транслируя то, с чем жить невозможно. То, живя с чем, – точнее, болея чем, – трудно улыбаться: «...особенности масштабного советского эксперимента и оставленного им в наследство опыта (политического, социального, духовного) до сих пор формируют доминанты политической культуры и влияют на социализацию подрастающего поколения. Поэтому пока к постсоветским гражданам можно в той или иной мере отнести все население России, то есть даже тех, кто в СССР никогда не жил».

«Почему демократии не получилось? Почему не происходит реального модернизационного движения, несмотря на видимые признаки нынешнего благополучия и рост материального благосостояния (а то, что оно растет, несомненно)?» – задается вопросом директор крупнейшей социологической службы России.

«Получается, антропологический тип *homo postsoveticus* – это человек, которому по каким-то причинам не удастся покинуть советскую действительность. Он охвачен своего рода фантомным состоянием, его сознание продолжает породственному относиться к миру, которого больше нет, оно черпает из него ориентиры, вопросы и ответы. Почему так тяжело расстаться со страной, которой "уже давно нет"? И как это сделать?» – без усталости спрашивает саму себя Шор-

¹ Мем – единица культурной информации, распространяемая от одного человека к другому посредством имитации, научения и др.

Чудновская да и другие исследовали русского общества.

При этом все понимают муляжный, мимикрийный (под цивилизованный Запад) характер российского социума: «Мы сталкиваемся с имитационной деятельностью политиков и основных общественных институтов – имитацией как чужого опыта, то есть различных образцов, позаимствованных у Запада или Востока, так и своего, взятого из советского времени или царской России... На сегодняшний день имитируются демократические нормы и процедуры – выборы, политический плюрализм, свобода прессы, судов, – имитируется даже гражданское общество в целом (в лице Общественной палаты). Имитируется прошлое имперское величие... Постсоветский человек пришел из общества, охваченного мифом, миражом, идеологическим туманом, так что непросто предвидеть, что из этого "затуманенного материала" получится».

Знаете, что мне это напоминает? Немецкую историю после крушения Третьего рейха. В свое время филолог Виктор Клемперер провел в послевоенной Германии масштабную работу, по результатам которой написал книгу «Язык Третьего рейха». Она о том, как язык и прошлые мемы, недавние стереотипы мешают формированию нового сознания, внешне уже освобожденного от необходимости «соблюдать двоемыслие», но еще не освободившегося внутреннее. Клемперер пишет: «...нужно еще какое-то время, ибо исчезнуть должны не только дела нацистов, но и их образ мыс-

лей, навык нацистского мышления и его питательная среда – язык нацизма. Сколько понятий и чувств осквернил и отравил он! В так называемой вечерней гимназии Дрезденской высшей народной школы и на диспутах, организованных Союзом свободной немецкой молодежи, мне то и дело бросалось в глаза, что молодые люди – при всей их непричастности и искреннем стремлении заполнить пробелы и исправить ошибки поверхностного образования – упорно следуют нацистскому стереотипу мышления. Они и не подозревают об этом; усвоенное ими словоупотребление вносит путаницу в их умы, вводит в соблазн. Мы беседовали о смысле культуры, гуманизма, демократии, и у меня возникало ощущение, что вот-вот вспыхнет свет, вот-вот прояснится кое-что в этих благодарных умах, но тут вставал кто-нибудь и начинал говорить... о героическом поступке, или о геройском сопротивлении, или просто о героизме. В тот самый момент, когда это слово вступало – пусть и мимоходом – в игру, всякая ясность исчезала, и мы снова с головой погружались в чадное облако нацизма».

Советский аналог языка нацизма еще не исчез. Может быть, потому что в России не произошло своей декоммунизации как целенаправленного процесса? А ведь у нас тоже был тоталитарный режим, и лекарство, которое помогло одной переболевшей стране, могло бы помочь и другой. Но мы понадеялись на иммунитет. И получили хронику...

Если сравнить Россию с человеком, то его сознание сфор-

мировано нашим недавним тоталитарным прошлым. А подсознание – результат исторической эволюции страны, происходившей в определенных климатических и географических условиях. Да-да, именно так: кора и лобные доли у нас советские, а подкорка – царско-историческая. Привычки и манеры, словечки, а также мировоззрение и миропонимание у человека по имени «Россия» заложены советским воспитанием, а рефлексy – оттуда, из темного исторического прошлого. Постсоветские словечки просто маскируют столетние исторические рефлексy.

И пока постсоветский синдром и «российская генетика» не вылечены, пациент будет страдать. Как же спасти больного? Порой для излечения бывает достаточно просто объяснить человеку природу его комплексов, реакций, заблуждений. И он, поняв, что его угнетало, начинает оживать, меняясь буквально на глазах.

На чем, на каких спицах держится гнилое мясо ментальных комплексов постсоветского человека? Что дает ему опору в его заблуждениях?

Мифы.

Один из опросов «Левада-центра» показал: 44 % населения полагают, что было бы лучше, если бы все оставалось так, как было до начала перестройки.

– Какую страну просрали! – любят восклицать глуповатые граждане с незримо светящейся надписью «СССР» на лбу.

Угрюмое величие былой империи еще отсвечивает в моз-

гах людей, мешая жить новой жизнью. Патологичность и мифологичность этих представлений не осознаются. До сих пор многие убеждены, что «в СССР было много хорошего» и пребывают во власти многочисленных мифов. О том, что «была уверенность в завтрашнем дне». Что СССР был первой державой, которая вышла в космос. Что власть в нем была рабоче-крестьянская, а социализм строился «на благо всего общества, а не одних только нуворишей»...

Моя, как врача, главная задача – разрушить эти мифы, являющиеся опорными стержнями того патологического мировоззрения и мировосприятия, которые превращают моих соотечественников в сумрачных зомби, мешая им радоваться жизни и заставляя глядеть в прошлое вместо того, чтобы смотреть в будущее.

Можно сказать и так: моя цель – убить в русских их имперскость, если хотите. Я собираюсь выдернуть занозу – разрушить мифологемы. И я сделаю это. Причем, сделаю по всем правилам. В первой части книги разберусь с безусловными рефлексамии человека по имени «Россия». Во второй – с условными. А в третьей – с тонким слоем культурных шлаков и стереотипов последней эпохи.

Расчистим площадку!

Часть первая

Убить дракона

*А родиться бы мог в Новгороде или во Пскове я,
На ином рубеже, при ином повороте судьбы,
И вести новгородскую армию к стенам Московии,
Где бесчестье в чести, где предателей славят
рабы.*

Юрий Нестеренко

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УБИТЬ ДРАКОНА

Сколько уже говорено-переговорено про то, что менталитет народа определяют природные условия! Оно и неудивительно, кто ж не знает, что бытие определяет сознание? Каковы климатические и географические условия нашей уникальной страны, вы можете прочитать в моей книге «История отможенных», там все это достаточно подробно изложено и разжевано. А здесь я хочу немного сместиться от природы к человеку, от «отможенных» к «истории».

Глава 1

Проклятие Русской равнины

Мы чужие на этом празднике жизни. Который и праздником-то назвать – большое преувеличение... Мы чужие на этой земле. Она никогда не была нам матерью, а лишь мачехой, суровой и несправедливой.

Наши предки пришли в эти края с запада из центральной Европы примерно в VI веке нашей эры, вытесненные нашествием азиатских орд с юга. Не выдержав напора этой азиатской саранчи, славяне пошли на восток, где им почти никто не противостоял. На великой равнине, которая позже получила название Русской, жили совсем дикие финно-угорские племена, даже не сменившие охоту и собирательство на земледелие. Поскольку охота и собирательство – менее эффективный и более примитивный способ эксплуатации среды, один квадратный километр территории может прокормить меньше охотников, нежели земледельцев. Соответственно, аборигенов было гораздо меньше, чем оккупантов, поэтому первые были легко элиминированы вторыми.

Сбежавшие от сильного противника и победившие слабого, наши предки вошли в это молчаливое бескрайнее пространство и огляделись. Что же они увидели?..

Они увидели бесконечные, тянущиеся на тысячи и тысячи километров леса. На севере этот зеленый океан тайги сме-

нялся редколесьем и тундрой. Туда соваться со своими земледельческими навыками было совсем бессмысленно. Южнее хвойные леса сменялись смешанными, а затем резко обрывались в степь. Степь – это то, что надо. Степь – мечта земледельца. Тут чернозем – жирный, плодородный слой почвы толщиной до двух метров! Но увы, степь была уже заселена кочевниками – дикими, агрессивными, мобильными. Пришлось осваивать леса, расчищая их.

Теоретически это терпимо. Европа ведь тоже когда-то была сплошным лесом. А потом стала сплошной равниной. Европейские леса были вырублены людьми и превратились в поля, плодородные сельскохозяйственные угодья. Увы, Русской равнине повторить путь Европы не удалось. Почему?

Потому что здесь был совсем другой климат и совсем другие почвы. Про климат я распинаться не буду. Я «распнулся» о нем в указанной выше книге. Напомню лишь в двух словах, что, в отличие от Западной Европы, на новой родине славян среднегодовая температура падала не только по мере продвижения на север, но и по мере удаления на восток. В результате после завоевания русскими огромной евразийской империи русские констатировали, что их родина состоит на две трети из вечной мерзлоты. Это, как вы понимаете, не особо способствует земледелию.

И распределение осадков на Русской равнине ему также не способствовало. Дело в том, что в Западной Европе дожди идут в течение лета равномерно. А в средней полосе Рос-

сии основная масса осадков выпадает во второй половине лета. То есть небольшое естественное колебание погоды может привести к тому, что в начале лета, когда растущим злакам особенно нужна вода, случится засуха, а осенью урожай может быть просто залит дождями. Зона рискованного земледелия во всей своей красе!

Третьим фактором, мешающим земледелию, были русские почвы. Подзол! Дрянь. Бедная земля. Никудышная.

Скудость природы вылилась в вековое отставание России. И демографическое, и экономическое, и политическое. Механизм этого понятен. Сельское хозяйство – базис тогдашней цивилизации. Фундамент. Дурной фундамент общества – дурное общество. Из одного зерна русским в их суровых условиях удавалось вырастить три, в то время как западноевропейцы выращивали четыре-пять. Треть пашни русским приходилось выделять для выращивания семян, в то время как в Европе на это уходила одна четвертая или одна пятая часть земли.

Поначалу, когда аграрные технологии были достаточно примитивными, разрыв между Европой и Россией не был столь катастрофическим. Но по мере прогресса и совершенствования технологий европейцам удалось резко повысить урожайность. Природа и мягкий климат это позволяли. Российские же климат и почвы были менее отзывчивыми, здесь урожаи росли медленнее. И разрыв начал увеличиваться.

В XVI–XVII веках в Европе на одно посеянное зерно вы-

ращивали уже 6–7, а в Англии даже 10 зерен. А что означает повышение урожайности до 10 зерен на одно посеянное? Во-первых, сам по себе рост продукта за счет повышения урожайности, во-вторых, рост продукта за счет «экономии земли». Там, где раньше приходилось четверть пашни выделять на посев семян, теперь можно было на семена выделять одну десятую земли. А разница между четвертью и одной десятой шла в «чистый плюс» и тоже давала урожай 1:10.

Возьмем для удобства расчета нормальный европейский урожай 1:8. И сравним его с хорошим русским урожаем 1:4. Разница вовсе не в два раза, как может показаться! Русский имеет 3 зерна, которые может потребить (одно нужно выделить на семена), а европеец имеет 7 зерен плюс дополнительное зерно с экономии в пахотной площади. То есть разница почти в три раза. Но в России урожай 1:4 считался хорошим, а 1:5 – рекордным, средний же держался на уровне 1:3, в то время как в Европе 1:8 было обыденностью, а урожаи 1:10 в той же Англии не были не только рекордными, но и редкими, их добивались регулярно.

Что это все означает?

Это означает, что русский крестьянин, имеющий ничтожный прибавочный продукт, может прокормить меньшее количество «нахлебников» – управляющих, ученых, солдат, художников, поэтов, писателей... То есть Россия менее эффективна в цивилизационном смысле. Американский профессор Ричард Пайпс по этому поводу писал: «Цивилизация

начинается лишь тогда, когда посеянное зерно воспроизводит себя по меньшей мере пятикратно». То есть до цивилизации Россия, где урожай 1:5 был редкостью, дотягивалась только кончиком носа, привстав на цыпочки и задрав подбородок.

Пайпсу вторит голландский историк Слихер ван Бах: «В стране с низкой урожайностью невозможны высокоразвитая промышленность, торговля и транспорт». Поднимая урожай, Европа ускоренным темпом производила людей, не занятых в тупом производстве продовольствия, а занимающихся более интересными вещами – наукой, торговлей, мореходством, ремеслами, написанием и печатанием книг, производством бумаги для книг, строительством трансатлантических кораблей и высоких каменных сооружений, а, соответственно, инженерными расчетами...

Тот же Слихер ван Бах отмечает: «Уже до 1800 года были регионы, где значительная часть населения находила свои ресурсы вне агрокультуры: в промышленности, торговле, мореплавании или рыболовстве. Голландия и Фландрия довольно рано должны были обрести неаграрную структуру... согласно переписи 1795 года, такая провинция, как Оверейссел, уже не была аграрным регионом: только 45 % населения было сельскохозяйственным».

В Англии, где благодаря теплomu Гольфстриму, урожаи достигали 1:10, уже с середины XVIII века доля аграрного сектора в национальном продукте страны начала стреми-

тельно сокращаться «на 20, затем на 30, затем на 40 %», пишет Пьер Шоню в книге «Цивилизация классической Европы»: «Если труда восьми человек... едва достаточно для пропитания десятерых, не может быть никакой индустриальной революции: всякая индустриальная или коммерческая революция при таких условиях неизбежно обречена на провал...» Для сравнения: в России XVIII века горожане составляли не 40 и не 20, а всего 3 % населения.

Где живут «нахлебники» – все эти художники, ремесленники, ученые, которые могут себе позволить не работать в поле, а покупать продукцию у крестьян? В городах, естественно. Город – производитель цивилизации, в то время как село – производитель еды.

На западе Европы города становились центрами ремесел, культуры, науки, торговли. В России же городское население росло медленнее, а сами города имели не столько торговое значение, сколько военное. Крепость или острог на рубеже державы для защиты от кочевников – вот зачем строился город в России. Для военного гарнизона и проживания чиновничества, собирающего налоги, а не для торговли и уж тем более науки.

Короче говоря, развитие городов в России, во-первых, отставало от развития гражданской жизни в Европе, а во-вторых, носило искаженный характер. Страна попала в своего рода замкнутый круг – низкие урожаи делали предложение прибавочного продукта слишком малым, а небольшое

количество «нахлебников», потребляющих этот продукт, в свою очередь, представляло собой слишком узкий рынок, чтобы стимулировать огромную массу крестьян применять новейшие агротехнологии. А если крестьянин не имеет денег (деньги можно получить только в городе, обменивая на них свою продукцию), значит, он не стимулирует развитие городских ремесел: ремесленникам некому продавать свой товар – нет рынка! В результате крестьянин вынужден вести натуральное хозяйство, тратя время не на свое основное дело – производство продуктов питания, а производя для себя одежду, обувь, предметы быта и труда. Таким образом, нищета потребителя оборачивалась нищетой производителя.

В средневековой Европе рост городов самым естественным образом стимулировал повышение урожайности (заставлял крестьян применять новые агротехнологии), а рост урожайности, в свою очередь, давал дополнительный продукт, с помощью которого могло прокормиться больше «нахлебников», что еще сильнее стимулировало рост городов, то есть развитие науки и рынка. Образовалась положительная обратная связь, приведшая к взрывному росту городов в Европе. То есть к взрывному росту цивилизации. Города изобретали новенькое и закидывали изобретения в село, которое на них поднимало урожайность. Чем больше было изобретений, тем быстрее росла урожайность. Чем быстрее росла урожайность, тем больше было горожан и, соответственно, изобретений.

«И российский помещик, и российский крестьянин смотрели на землю как на источник скудного пропитания, а не обогащения, – пишет Ричард Пайпс. – Да и в самом деле, ни одно из крупных состояний России не вышло из земледелия... В России вся идея была в том, чтобы выжать из земли как можно больше, вложив в нее как можно меньше времени, труда и средств... Общеизвестная «безродность» русских, отсутствие у них корней, их «бродяжьи» наклонности, столь часто отмечаемые западными путешественниками... в основном проистекают из скверного состояния русского земледелия, то есть неспособности главного источника национального богатства – земли – обеспечить приличное существование».

Землю русский крестьянин ненавидел. Главной его мечтой было сорваться и уйти. Но куда? Городская площадка узка, а сорваться мешало крепостное право. Так и жили – без перспектив, скрипя зубами, в тоске и нищей беспросветности.

Любопытно, что эта неукорененность, эта готовность сорваться с места и уйти в сторону сказочного штампа – «за тридевять земель», где «молочные реки, кисельные берега» – сохранялось в русском характере аж до самого излета крестьянской эпохи – до середины XX века. В сплошь обмундированном, насквозь милитаризованном Советском Союзе сталинской поры один из советских писателей с гордостью отмечает родовую черту советско-русских: «У нас умеют са-

диться на поезда и уезжать за тысячу верст, не заглянув домой».

Европа – дом. Россия – пространство.

В Европе отказались от сохи, заменив ее плугом, еще в Средние века, а русский крестьянин до середины позапрошлого века пахал сохой. Почему, ведь плуг дает лучшее качество обработки земли и, соответственно, лучший урожай? А потому что плуг требует большей тягловой силы и большего времени обработки. А у русского крестьянина нет ни того, ни другого. У него и вегетативный период короче, а потому надо успеть вспахать хоть как-нибудь; и скот полудохлый, потому что полгода стоит в зимнем стойле, к весне питаюсь уже соломой с крыши... Все попытки помещиков завезти в Россию породистый европейский скот заканчивались одинаково – породистые голландские буренки быстро вырождались в тутошних условиях. Ну и какое мироощущение может быть при таком раскладе? И какая власть?

Интересно проследить за тем, как эволюционировала эта самая власть, как она развивалась от самых ее «одноклеточных» форм. Причем, проследить, попутно разрушая мифы, по сию пору сидящие в русских головах.

Характерная особенность исторического процесса в России заключается в том, что, в отличие от Запада, где власть, идеология и собственность оказались разделенными, у нас они срослись в единый уродливый нарост. Благоприятные для земледелия условия Западной Европы быстро размно-

жили население, которое вступило между собой в конкурентную борьбу на ограниченной площадке. Конкуренция социальных образований в виде герцогств, княжеств, фео-дов, королевств и прочей еврамелочи сыграла самую благоприятную прогрессорскую роль. А неплохие урожаи позволяли прокормить и ученых, и скульпторов, и воинство, и правителей, и торговцев. Тесные торговые связи породили многочисленный класс людей, ни к жрецам, ни к воинам, ни к правителям, ни к крестьянам не относящийся, – людей, разбогатевших на торговле. Они – не власть, не потомственная аристократия. Но они имеют силу. Силу денег! А сила денег требует и политической силы, политического влияния. Усложняющееся общество порождает все более сложные механизмы взаимодействия – в виде юридического права. Деньги ограничивают власть силы... Наконец, появляется класс людей, не имеющих ни земли, ни товаров, но живущих исключительно головой – адвокаты, журналисты, писатели, инженеры... Им тоже нужно представительство во власти, чтобы защищать свои экономические интересы! Так западный мир через буржуазные революции постепенно вкатывается в современность.

В общем, власть и собственность в Европе были разделены, конкуренция обеспечивалась, а вот миропонимание, напротив, было общим, поскольку общей была идеология – христианство. И при этом идеология была независимой от национального правителя. Идеологический глава сидел в Ва-

тикане и никакой властью, кроме моральной, не обладал. Зато мог отлучить от церкви особо зарвавшегося барона. Это создавало некое общее смысловое пространство, которое и послужило зачатком грядущего объединения Европы.

А что же в России?

У нас было все не так. В России торговцев кот наплакал: в условиях малого прибавочного продукта нечего и некому продавать. Зато пространства – до хрена! Крестьяне – потомки славян-переселенцев – ведут свою неспешную жизнь в глухой деревне, а где-то там, далеко, в укрепленных острогах и кремлях живут грабители, которые приезжают за данью. Можно не платить. Можно сняться и уйти. Воля! Леса бесконечны. Тем более что поначалу славянские колонисты, которых еще и русскими назвать было нельзя, вели примитивное подсечно-огневое земледелие. Вы, конечно, помните, что это такое. Расчищается от леса пространство, из бревен делаются избы, а кустарник, пеньки и прочий валежник поджигаются. Затем на этом черном, выгоревшем пространстве сеют. Никакой особой обработки земля не требует: не знавшая зерна и насыщенная золой она дает достаточный для прокормления урожай. Подпитаться можно грибами и ягодами, рыбой и диким медом. Правда из-за бедности почв надолго этой земли не хватает – через несколько лет урожаи резко падают и нужно сниматься с места и уходить на новое. Не проблема – тайга бесконечна! Так и расползалась будущая Россия на север и восток. Нужда гнала.

Однако, если с краю ойкумены можно было уходить дальше в леса к Тихому океану, то что было делать тем, кто «в середине»? Там уже начинало окупаться государство. Там уже приходилось окончательно оседать и менять технологии эксплуатации природы на более щадящие – переходить на трехполье. А что такое оседлость? Это уязвимость. Тебе уже некуда бежать от грабежа, от дани, от налогов. А с грабежа начинается государство. Бандитское крышевание – иллюстрация государства в миниатюре. Бандит отнимает у тебя часть тобой заработанного, а взамен берет на себя обязательства по защите от других бандитов.

Откуда же взялись на Руси бандиты, положившие начало государству? Они были пришлыми. В океан бесструктурного и первобытного крестьянства вторглись скандинавские дружины и начали его постепенно покорять, сами того не особо желая. Мы все в школе проходили «Слово о полку Игореве», у нас в памяти остались полузабытые древнерусские князья – Олег, Игорь, княжна Ольга какая-то... Мы уже не помним, чем они знамениты и что делали, зато твердо знаем, что они занимались междоусобицей и были вполне русскими. Это верно лишь отчасти. Они не были русскими в том смысле слова, который мы в него вкладываем сегодня. Они были шведами. Да-да, первые русские – это шведы. А мы – те, кого в современном мире называют русскими, – потомки покоренной шведами туземной народности. Причем в силу бедности земли и, соответственно, народа, ее населяющего,

норманнские захватчики первое время даже не испытывали особого желания покорять здешние места. Они пришли сюда с другой целью...

В книге «История отморозенных» я писал, что ухудшение климата, начавшееся в VIII веке, повывадило со Скандинавского полуострова, как пасту из тубика, местное население, обильно расплодившееся в теплую эпоху конца VII – начала VIII веков. Викинги добрались аж до Гренландии и Америки в поисках новой жизни, а уж Европу буквально затерроризировали. Они осаждали Рим, высаживались на юге Франции и на Балеарах, брали Лиссабон и Севилью. Викинги доходили до Константинополя и Арабского халифата. Пришли они и на Русскую равнину.

Варяги были народом разбойным и судоходным, а потому сначала обосновались по озерным северам – в первую очередь на Ладого, а потом начали перемещаться на своих драккарах на юг по рекам. Они оседлали водные артерии и начали торговлю с осколком Римской империи – Византией. Варяжские купцы вели эту торговлю, опираясь на ряд крепостей, сооруженных по рекам. Вот такая была точечная колонизация: острог, где сидел иностранный оккупант скандинавского происхождения, то есть, по сути, командир гарнизона, а вокруг – океан леса с проплешинами, на которых копошились какие-то невзрачные славянские варвары. Варягов не интересовала скудная местная земля, едва дававшая прокорм аборигенам, они ограничились сбором дани с

ближайшего населения для содержания гарнизона крепости. Это были две совершенно разные культуры, что видно по характеру захоронений – варяжские сильно отличаются от славянских того же периода.

Одним из городов, основанных северными разбойниками, был Киев. Иными словами «отец городов русских» был на самом деле городом шведским. А человек, известный нам как князь Олег, который стянул в одно плечо торговый перегон Новгород – Киев, на самом деле носил скандинавское имя Хельг. Много позже, когда завоеватели постепенно ославянились, в летописях скандинавские имена были заменены славянскими. Именно поэтому Хельг стал Олегом, Хельга – Ольгой, Ингвар – Игорем, а Вальдмар – Владимиром. Было это сделано из идеологических соображений или имена изменились сами, ославянившись по созвучию, сейчас сказать сложно. Но тот факт, что колыбель русской цивилизации принадлежит вовсе не русским, российских патриотов и прочих славянофилов всегда очень напрягало. Это вылилось в длительные и нервные дискуссии «норманистов» с «анти-норманистами», последние силились доказать, будто взлету русской цивилизации русские вовсе не обязаны западным пришельцам. Однако знаменитый историк Георгий Вернадский (сын всем известного академика Вернадского, введшего понятие ноосферы) уверен: «...не может быть сомнения, что в девятом и десятом веках под именем “русские” (русь, рось) чаще всего подразумевались скандинавы». В подтвер-

ждение он приводит в пример несколько любопытных фактов.

В 839 году к императору Людовику в составе византийской делегации прибыло несколько «русских», как их называли византийцы. Однако сами эти «русские» упорно называли себя шведами.

В византийском договоре 911 года, который империя заключила с «русскими» (в лице князя Олега), перечислялись имена «русских» послов – все сплошь скандинавские.

В 945 году византийский император Константин Багрянородный написал книгу «Управление империей», в которой названия днепровских порогов южнее Киева даны на славянском и «русском» языках. Так вот, как отмечает Вернадский, «...большинство “русских” названий обнаруживают скандинавское происхождение. Следовательно, неоспоримым является то, что в девятом и десятом веках название “русь” употреблялось по отношению к скандинавам. А если так, то вся полемика между норманистами и антинорманистами основана на недоразумении со стороны части последних, и все их усилия в лучшем случае можно назвать донкихотством».

Иными словами, имя этой земле и проживающему на ней народу было дано «оккупантами». Точно так же, как завоеватели франки, вторгнувшись в Галлию, дали ей новое название – Франкия, или Франция. Варяги не только основали главные русские города, но и были вместе со своими дружинами совершенно отдельным социальным слоем или, как

называет этот слой Пайпс, «обособленной кастой», которая просто собирала дань с туземного населения.

С тех пор вся история России похожа на матрешку, это история «вложенных народов» или «народа в народе» – серой крестьянской массы и узкой пленки правящей элиты, которая говорила на другом языке, отличном от языка массы, – сначала на шведском, потом на французском. Они существовали, практически не пересекаясь. Вернее, пересекались не больше, чем человек и обслуживающие его микроорганизмы в желудочно-кишечном тракте. У меня и моих микробов нет общего смыслового пространства. Я хочу, чтобы мои микробы, которые питают меня, перерабатывая куски пищи в усваиваемые молекулярные соединения, жили хорошо. Но лишь потому, что они – мои рабы и кормильцы. Иногда я не прочь приглушить их водкой в порядке развлечения.

Итак, норманнские завоеватели, выдавленные климатической непогодой с родного полуострова, понастроили городов-укреплений на водных артериях и занялись торговлей, ибо земля сия была скудна и использовалась в основном как транзитное пространство. Через какое-то время, однако, торговая лафа начала заканчиваться. Расплодившиеся по югам кочевники стали торговле мешать, а европейские христиане постепенно начали теснить арабов, освобождая от них Средиземное море. А поскольку морская перевозка со времен Адама дешевле сухопутной, центр тяжести постепенно вновь сместился туда. И норманнским оккупантам при-

шло переходить на подножный корм, все больше обращая внимание на ту скудную землю, где стояли их города и которой раньше они мало интересовались. Вот тогда и началось постепенное ославянивание варягов, которые начали растворяться в местном этническом океане и дали ему свое имя – «русские».

Способ управления территорией, сложившийся при этом, историки называют вотчинным, или деспотическим. Это означает, что и территория, и люди на ней воспринимаются князем как неотчуждаемая личная собственность, доставшаяся от отца. Такой способ управления начался с норманнских дружин и их «блок-постов» на торговых путях. Начался, как военно-оккупационный да таким и остался на протяжении веков, несмотря на этническое растворение оккупантов. Слившись с местным населением этнически, власть не слилась с ним граждански.

Как отмечает уже упомянутый исследователь, в России «государство не выросло из общества... оно росло рядом с обществом и постепенно заглывало его по кусочку». Он имел в виду, что безграничная власть норманнского «пахана» распространялась только на захваченную им территорию и его рабов. А вокруг был безграничный лес с вольным населением, платящим дань или не платящим ее вовсе. То есть сначала природа была покорена земледельцами, не объединенными в государство, а живущими родами, племенами и семьями. А затем состоялось вторичное покорение этой

«оживленной» природы чужеродной властью. И те привычки, которые князья-паханы выработали, безраздельно управляя своими поместьями, уделами, вотчинами и рабами, они переносили на покоряемую дикуую вольницу. А прибавочный продукт, производимый землей, был слишком скуден, чтобы заявить о себе политически, как это случилось в Европе, где разживалось городскими деньгами крестьянство, и множились на деревенских харчах городские самостоятельные граждане вольных профессий...

Российский самодержец искренне считал, что страна принадлежит ему на правах собственности – вместе с населением. И даже богатый вельможа называл себя при обращении к государю «царским холопом» – точно так же, как, обращаясь к богу, называл себя «рабом Божиим», искренне полагая бога своим всевластным господином, а себя его вещью. (Строго говоря, политические процессы, аналогичные западноевропейским, шли и в России, но в силу климата более «замороженно», в результате чего Россия отставала от Европы на шаг-другой, и об этом мы еще поговорим, а пока, забежав вперед, скажу лишь, что последним рецидивом «русской болезни» по имени деспотизм был сталинизм, проявивший себя в острой тиранической форме. Все снова было сосредоточено в одних руках – власть, закон, имущество, идеология.)

Очередной гирькой на ту же рабскую чашу легло и татаро-монгольское нашествие, включившее в среде русских властителей отбор на худших – на самых подлых, самых

жестоких по отношению к собственному населению, самых беспринципных.

Татаро-монголы действовали на Русской равнине так же и по тем же причинам, что и прежние завоеватели – викинги. Если плодородный Китай, например, был ими оккупирован, поделен и заселен, то скудные русские почвы и русские леса в этом смысле никакого интереса для степняков не представляли. И потому монголы ограничились здесь «командировками» с перманентным сбором дани. Даже крупных гарнизонов в русских городах они не держали, доверяя проводить оккупационную политику по отношению к своему народу самим русским – дань они поручили собирать тем, где лучше знал сии бедные пределы и потому мог выжать с населения максимум – местным князьям. Причем ярлык на княжение получал тот, кто больше обещал ограбить своих соотечественников, а недовольным, не стесняясь, грозил татарской плеткой. И не раз бывало, что приходили на Русь татары, ведомые русским князем, усмирять русских сепаратистов.

Наиболее ярким примером такого «отбора на худших», стал князь Александр Невский – еще один миф отечественной истории, раздутый церковью, патриотической историографией и лично товарищем Сталиным.

Глава 2

Настоящий татарин

Церковь назначила этого палача святым, Сталин велел снять про Невского кино и нашлепал орденов его имени. Гвоздь мифа был так плотно забит в народную голову, что и по сию пору имя Александра Невского развевается, как знамя русского патриотизма. Многие Невского ценят не меньше, чем Сталина, и в 2008-м на телеканале «Россия» его даже назвали символом нации. Весьма символический символ! Любит русский человек ярмо и того, кто это ярмо ему надевает, благоговейно называет «Хозяин». Так и говорят: «Хозяина нам нужно... Хозяина не хватает...» Напомню, что тогда, в 2008 году, Сталин едва не выиграл титул «имя России» у Невского. Два Хозяина...

Между тем, более объективные и менее ангажированные патриотической тусовкой ученые (и западные, и российские) считают Невского предателем своего народа. Историк Алексей Волович отмечает: «Практически вся европейская историческая мысль сводится к тому, что «...именно коллаборационизм Александра по отношению к татаро-монголам, предательство им братьев Андрея и Ярослава в 1252 году стали причиной установления на Руси ига Золотой Орды». Мало кто может отрицать, что именно Александр Невский способствовал 240-летнему рабству великороссов. Именно он по-

велел народу покориться Золотой Орде без борьбы».

Аналогичного мнения придерживается и английский историк Джон Феннел, подробно аргументируя это в своей книге «Кризис средневековой Руси: 1200–1304»². О том же пишут историки Данилевский, Белинский, Афанасьев... Любопытно, что даже в советской историографии Александр Невский считался предателем до 40-х годов XX века. Но потом товарищ Сталин решил иначе, ему нужен был хоть какой-нибудь русский полководец, разбивший немцев, и на эту историческую должность был назначен Александр Невский. Так предатель отечества стал спасителем отечества. Для сталинской эпохи такие пируэты, такие превращения черного в белое не редкость.

А ведь изображаемый отечественной мифологией, как защитник Руси, Невский фактически был не просто предателем и капитулянтом, не просто «власовцем» той эпохи, а еще и изувером, не единожды заливавшим русские города кровью соотечественников, осмелившихся поднять голову против татарского ига. Пообещавший ободрать Русь, как липку, и заслуживший тем самым у Батыя одобрение и ярлык на великое княжение, князь Александр с восторгом принял за дело. И начал свою деятельность с предательства родного брата. Это у них в роду, видимо...

Дело в том, что Александр был сыном князя Ярослава Всеволодовича, который княжил в суздальской земле. Ко-

² Феннел Д. «Кризис средневековой Руси: 1200–1304». – М.: Прогресс, 1989.

гда Батый пришел на Русь, папа Александра сопротивления захватчикам не оказал, а с готовностью сдался и начал с оккупантами активно сотрудничать, выполняя полицейские функции и собирая дань для татар с русских земель.

В знак того, что он будет честно выполнять свою работу и никогда не изменит любимому Батю, Ярослав Всеволодович даже отправил своего родного сына Александра, который в будущем получит кличку Невский, аманатом (заложником) в батыев стан. Так что воспитывался Александр не в русском, но в татарском духе, проведя в Орде часть детства и всю юность. Если обратиться не к канонизированной церковью и подправленной биографии Невского, то окажется, что Александр попал в Орду будучи совсем мальчишкой и прожил там 11 или 13 лет, воспитываясь в семье Батя. Мало кто знает, но Александр Невский так проникся татарщиной, что стал даже приемным сыном Батя и названным братом батыева сына – Сартака.

Для того чтобы подогнать биографию Невского под Невскую битву, официальные биографы состарили князя на десяток лет, записав годом его рождения 1220-й. Однако исторический анализ показывает, что в реальности сын Ярослава Всеволодовича Александр родился в 1230 году (плюс-минус год) и, соответственно, ни в какой Невской битве участвовать не мог просто по малолетству. А уже в 1238 году он отправился жить в Орду. И просидел там аж до 1249 (по другим данным до 1252) года, о чем сохранились исторические

свидетельства очевидцев.

Если бы, как того хотелось официально-церковной историографии, Александр действительно родился в 1220 году и уехал в Орду 18-летним юношей, он никак не мог бы стать названным братом батыеву сыну Сартаку. Дело в том, что монгольский обряд братания с надрезанием рук, смешиванием крови с кумысом и питьем этого розового пойла в знак вечного братства проводился только в детском или подростковом возрасте. А с 16 лет человек там уже считался взрослым мужчиной.

Кроме того, сын Батыя Сартак должен быть примерно одного возраста с побратимом. Когда же родился Сартак? Точно это неизвестно, в энциклопедиях указана только дата его смерти, но попробовать вычислить можно, что и сделал историк Владимир Белинский путем нехитрых рассуждений. Отец Сартака Батый появился на свет в 1208 году, значит, его старший сын мог родиться лет через двадцать, то есть в 1229–1231 годах. Все сходится...

Иными словами, в Невской битве, которая состоялась в 1240 году, Александр Невский не мог принимать участие по двум причинам: во-первых, ему тогда было всего 10 лет, во-вторых, он в это время пил розовый кумыс с Сартаком. По тем же причинам не участвовал он и в битве на Чудском озере в 1242 году. Впрочем, сожалеть об этом не стоит, поскольку ни та, ни другая битва не были не только судьбоносными для России, но и вообще сколь-нибудь заметными. Битва на

Неве была мелкой стычкой с пришлыми шведами, высадившимися на берегу. И участвовало в ней менее 300 человек с обеих сторон. Сколько погибло шведских «туристов» неизвестно, а с нашей стороны потери составили 20 человек.

Битва на льду Чудского озера с немцами также прошла незаметно для русских летописей и была упомянута лишь немецкими источниками, которые отмечают потерю 20 рыцарей – то ли убитыми, то ли провалившимися в этой «битве» под лед. Причем, что интересно, эти немцы вовсе не «напали на Русь», а просто преследовали отряд русских, вторгшихся в их владения слегка пограбить, и догнали грабителей на Чудском озере, где и произошла стычка...

Таким образом, участие Александра Невского в этих раздутых для важности сражениях было придумано в более поздние времена, по всей видимости, при Екатерине II. Тем не менее справедливости ради нужно отметить, что впоследствии Александр, выросший и сформировавшийся в степи, впитавший все обычаи степняков, их державный дух, и всю свою жизнь татарам беззаветно преданный, не только собирал для Орды дань и подавлял антитатарские выступления русских, но и защищал окраины огромной татаро-монгольской империи от западных соседей. Этот факт – защиту Северного улуса ордынской империи (чем фактически являлась тогда Русь) – историки-патриоты и ставят Невскому в заслугу!

Надо сказать, институт заложничества был широко рас-

пространен с самых древних времен. Одним из самых известных заложников был греческий историк Полибий, который еще с юности был отправлен в Рим вместе с сотней других знатных отпрысков греческих семейств – в знак покорности и смирения покоренной Греции. Тому, что Полибий, выросший в знатной римской семье, стал римлянином, удивляться не нужно: ребенок, проведенный в некоей среде, этой средой неизбежно пропитывается, что естественно – это нормальный приспособительный механизм, выработанный эволюцией для адаптации потомства. Дети всех теплокровных легко обучаемы, потому что в их поведении заложено подражание. Эффект Маугли... Именно поэтому выросший с детства в Орде Александр Невский стал ордынцем. А кем он там мог еще стать? Не волком же...

А его папенька тем временем всю работу на Орду. Работой Ярослава Всеволодовича по обиранию Руси Батый остался весьма доволен, и в 1242 году даже повысил его, посадив на киевский престол, то есть назначив главным князем всех русских князей. Правда, до Киева папа Александра Невского так и не доехал, скончавшись в дороге.

Опуская незначительные подробности, скажу, что через несколько лет часть русских князей, сговорившись, решила выступить против татар единым фронтом. В этот тайный союз вошли брат Невского Андрей, правивший в Ростове, князь Даниил Галицкий и Ярослав Тверской. Они предложили вступить в их антитатарский союз и Невскому, позабыв,

что тот давно перестал быть русским по духу и отатарился в Орде по самые гланды. Невский кивнул и тут же сдал всех с потрохами, включая родного брата.

За это предательство хан назначил Александра князем Владимирским и дал ему войско, по сути, карательный отряд, во главе с мирзой Неврюем, который пришел на Русь и навел там огненного шороху. Было угнано в рабство множество людей и сожжена уйма деревень, каратели полностью уничтожили Переяславль... Это был первый раз, когда Александр Невский пришел на Русь с карательными отрядами неприятеля. Но не последний. Любые проявления русского сепаратизма Невский карал самым жесточайшим образом, устраивая в покоренных татарскими руками городах массовые казни и зверские пытки – сажал на кол, выдирали людям глаза, отрезал носы («оному носа урезаша, а иному очи выимаша»).

И этот человек стал у нас святым и защитником отечества!

Не раз со своей дружиной, усиленной татарскими войсками, Невский ходил умирять Московию и Новгородчину. Он провел не менее пяти карательных экспедиций, в которых «федеральные» войска подавляли русский сепаратизм в Ростове, Ярославле, Суздале, Владимире. Невский буквально заливал кровью свое отечество. Любопытно, что антитатарское восстание в Новгороде возглавил сын Александра Невского Василий, назвавший отца предателем. Новгородское

восстание Невский подавил, а собственного сына пленил.

Удивительно, что советские коммунисты, почитавшие Карла Маркса как одного из главных столпов своей религии, предпочитали не замечать слов основоположника об Александре Невском. А между тем, Маркс охарактеризовал Невского, как «смесь татарского заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа». Сей «спаситель земли русской», как его именуют уже официальная историография и церковь, настолько «любил» русскую землю, что из 11 лет своего правления почти половину времени провел в Орде, а не в своем улусе, ибо краше для него были степная жизнь и степные обычаи.

Для того чтобы исправнее выплачивать Орде дань, татары руками Невского провели в Суздале и Новгородчине перепись населения, обложив каждого переписанного подушным налогом и запретив покидать «место прописки» без разрешения оккупационных властей. По сути закрепили население. Это вызвало в Новгороде возмущение, поскольку Новгород татарами не был покорен. Батый этот город не взял. Новгород был покорен для татар Александром Невским.

Итальянский путешественник Иоанн де Плано Карпини, посетивший Русь в 1246 году, в своей книге «История монголов» так характеризует перепись, проводимую Невским: «...пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или

богатый, платил такую дань... шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру... И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к монголам и обращен в их раба». Книга Карпини была издана у нас в 1911 году, когда русские историки относились к Невскому довольно прохладно, не зная, что почти через сто лет этот паразит станет лицом России...

Так за что же церковь назначила его святым? По двум причинам...

Вольные дети степей были язычниками и потому спокойно относились к разным богам. Ум язычника, в отличие от ума монотеиста, привычен к множеству богов и легко может принять еще одного – жалко что ли? К тому же мудрые ханы Орды понимали: ничто лучше религии не сможет удержать покоренные народы в повиновении. И по этим причинам были весьма веротерпимыми. Больше того, они сами, как губка, впитывали в себя чужие религии. Так, например, сын Батыя и названный брат Александра Невского Сартак стал христианином.

После первых неприятных эксцессов, сопровождавших завоевание, татары освободили русскую церковь от налогов, объявили о неприкосновенности церковного имущества и в ярлыке от 1279 года запретили критиковать православие под страхом смерти: «...кто веру их похулит, то ничем не извинится, а умрет злой смертью». Исследователь православия Е. Шацкий пишет по этому поводу: «Если действовавшие

ранее в русских землях законы не особо развязывали церкви руки для террора против своих идейных противников, то теперь положение изменилось». Церковь сполна воспользовалась татарским ярлыком для окончательного искоренения язычества и ересей на Руси. Скажем, владимирский епископ Серапион громогласно объявил, что божьи законы допускают сжигать языческих волхвов, тогда как до татарского нашествия подобных случаев практически не было.

Фактически период татаро-монгольского ига, которое ярмом легло на простой народ, для церкви был период расцвета. Монастыри росли, как на дрожжах: если в домонгольский период их на Руси было построено около 100, то в период ига – более 400! И практически во всех процветало повальное пьянство, обжорство и разврат.

А церковь, в обмен на такие любезности со стороны татар, проповедовала покорность татарскому игу и творила молебны за здоровье ордынского царя в полном соответствии с ханским ярлыком, который гласил: «Мы пожаловали попов и чернецов... да правым сердцем молят за нас бога и за наше племя без печали, благославляют нас...» И они благославляли, объясняя народу, что всякая власть – от бога, в том числе и власть басурманских нехристей. Церковь не погнушалась даже провозгласить святыми правнука Чингисхана Даира Кайдагула под именем «святого Петра, царевича Ордынского», а также правнука владимирского баскака Амырхана... Если зайти в Архангельский собор Кремля, то справа

от алтаря вы увидите изображение этого святого татарина...

Второй причиной, по которой Невский удостоился стать святым, была та роль, которую он сыграл в разрушении наметившегося единения Европы и Руси. Это очень важный момент! Дело в том, что в ту пору раскол, приключившийся между православием и католичеством, мог «зарастить». Блиставший тогда в Юго-Западной Руси князь Даниил Галицкий, не покорившийся татарам, в отличие от Александра Невского, а продолжавший с ними сражаться без помощи своего северного соседа, начал политику сближения с Европой. Он склонял к «европейскому выбору», то есть к принятию католичества и Невского, что в перспективе могло благоприятно сказаться на истории России, сблизив ее с Европой. В самом деле, какая разница, какую веру исповедовать – католичество или православие, учитывая, что Русь все равно крестили насильно – огнем и мечом, а здесь бы насилие было стократ меньшим, поскольку переход к другому подвиду христианства не есть коренная смена веры, а лишь мелкая ее корректировка. Но эта мелкая корректировка могла коренным образом и в лучшую сторону повлиять на судьбу страны. Увы, Орде и примкнувшему к ней Невскому (не говоря уж о самой православной церкви) было выгоднее держаться православной традиции, а не шагать в Европу...

Как тут не согласиться с одним из героев романа Солженицына «В круге первом», который говорит, что, не допустив на Русь католичество, Невский обрек Россию на много-

вековое рабство... И все равно Невский у нас святой и спаситель отечества! А все попытки разоблачения этого князя наталкиваются на хор оголтелых патриотов, которые, брызгая слюной, зачитывают какие-то церковные святцы с описанием многочисленных подвигов этого «героя». Прав был историк Ю. Афанасьев, заявивший, что «сегодняшнее мифологическое сознание воспримет известие о том, что князь фактически являлся «первым коллаборационистом» совершенно однозначно – как антипатриотическое очернительство»... Афанасьеву буквально вторит английский историк Джон Феннел: «Какие выводы можно сделать из всего, что мы знаем об Александре, его жизни и правлении? Был ли он великим героем, защитником русских границ от западной агрессии? Спас ли он Русь от тевтонских рыцарей и шведских завоевателей?.. Диктовалось ли его самоуничужение, даже унижение перед татарами в Золотой Орде самоотверженным стремлением к спасению Отчизны?.. Те факты, которые можно выжать из... источников... заставляют серьезно подумать, прежде, чем ответить на любой из этих вопросов утвердительно».

...Если вы полагаете религиозный фактор не существенным для экономического и политического развития страны – ну, в самом деле, какая разница, католичество или православие, если и то, и другое христианство, а разница лишь в мелкой догматике – я вам советую просто пересечь границу Черногории и Хорватии. Или в любом другом месте

перешагнуть православно-католическую границу. Вы сразу увидите, как разительно меняется местность. Как разительно меняется психология. Экономика. Быт... Ленивая, расхлябанная, бедная, грязная, семейственная, теплая, сентиментальная православная Черногория. А шаг шагнул и попал в собранную, прилизанную, преуспевающую, вежливую, но холодную католическую Хорватию. В Черногории вас примут на рынке, как брата, улыбнутся, похлопают по плечу, сердечно поговорят и подсунут среди десятка свежих яиц пару тухлых. А если вы старичку-продавцу потом выскажете претензии, он вас искренне не поймет: «Что тут такого, у меня внуки, и свежие яйца я своим внукам в первую очередь даю, разумеется. А поплоше – на продажу. А как иначе? Не обманешь – не продашь». А в Хорватии с вами брататься на рынке не будут, могут даже не улыбнуться. Но и гнилой товар не продадут. Деловые отношения. А не сердечные.

Еще шаг севернее, и мы попадем в протестантизм. Там еще четче, еще холоднее и еще богаче. Самые развитые страны мира – протестантские. Потом – католические. Потом – православные. Потом мусульманские. Жаль, что Россия не протестантская страна, правда?..

Ну и раз уж речь у нас зашла о татарском иге, русских князьях, православии и святых, нельзя не вспомнить и еще одного святого князя, боровшегося с татарами, – Дмитрия Донского.

Глава 3

Попытка № 2

В детстве я очень любил читать толстую художественную книжку «Зори над Русью». В ней рассказывалось о героической борьбе благородного московского князя Дмитрия Донского против татаро-монгольского ига. Книжка мне тогда казалась написанной прямо по историческим событиям, ведь то же самое мы и в школе проходили!

Каждый грамотный русский человек знает, что для истории нашей страны означает Куликовская битва. Большой патриотический праздник! Первая победная битва объединенных Москвой русских земель и русских ратей против «злых татаровей». Дмитрий Донской побил хана Мамаю, положив игу решительный конец!

Кто-то, у кого память получше, вспомнит подробности – засадный полк, бой Пересвета с татарским богатырем Челубеем. Можно еще чуть-чуть напрячься и выудить из памяти святого Сергия Радонежского, который перед битвой благословил Дмитрия на ратный подвиг, а также тот факт, что Куликовской битвой Дмитрий не руководил. Перед боем он снял с себя княжеские доспехи, переодевшись простым ратником. Последнее толкуется патриотической историографией как великая скромность князя. Историки без квасного угара в голове задаются, однако, трезвым вопросом: во-

обще-то офицер или политрук, сорвавший с себя погоны и переодевшийся солдатом, поступает, мягко говоря, некрасиво, а грубо говоря, совершает воинское преступление, за которое одна дорога – под трибунал; неужели князь Дмитрий настолько не верил в победу и боялся попасть в руки Мамая? Вопрошающие отчасти правы: боярин Михаил Бренок, с которым князь поменялся своими приметными доспехами и который стоял под княжеским штандартом, был татарами замечен и изрублен насмерть. Выходит, Дмитрий просто дезертировал таким образом?

Но вопрос о странном переодевании князя – мелочь, если присмотреться ко всем странностям этой битвы. Ну, например. Можно ли считать победу на Куликовом поле избавлением Руси от ига, если еще сотню лет после этого русские продолжали платить татарам дань? Если нельзя, в чем тогда пафосный прикол этой битвы? Если можно, что тогда такое «избавление от ига»?

Известно, что на стороне Донского бились татарские полки. Как они оказались в составе русского войска? И почему в «объединенную русскую рать» Донского не прислал войска ни один из тех князей, которые не были в непосредственном подчинении Дмитрия, а прислали войска лишь его «подвасальные» мелкие князьки, типа князя Владимира Серпуховского? На помощь Москве не пришли ни Смоленск, ни Новгород, ни Тверь... Даже собственный тесть Дмитрия – князь Нижегородский и то не пришел на помощь зятю. Более того!

Князь рязанский пошел воевать против князя Дмитрия, то есть за Мамаю, правда, на один день опоздал к месту стычки. И русские войска с запада тоже не успели к битве. Вот только спешили они не на помощь Дмитрию Донскому, а на помощь к Мамаю.

Далее... Если вы откроете изданную в 1834 году книгу русского историка, действительного члена Петербургской академии наук Александра Черткова под названием «Описание древних русских монет», то в главе «Монеты Великого княжества Московского» увидите монеты той поры. Вот как их описывает Чертков: «На монетах Вел. Кн. Василия Димитриевича и отца его (Димитрия Донского) Г. Френом прочтено: «Султан Токтамыш Хан, да продлится его жизнь!» Ученый ориенталист полагает, что [изображения]... на русских монетах были выставляемы для облегчения им хода в землях подвластных Монголам». Для того была напечатана надпись или для другого, не ясно, но ясно другое – на сталинских деньгах не могло быть Гитлера, врагов на собственных монетах не печатают. Почему же тогда «боровшийся с Ордой» московский князь, нашлепал на своих монетах здравницы ордынскому хану?

И почему после победы над Мамаем князь Дмитрий тут поспешил доложить об этом татарскому хану Тохтамышу? Тохтамыш и Дмитрий Донской обменялись поздравлениями, посольствами и подарками, о чем свидетельствуют Симоновская и Рогожская летописи. Чуть позже Тохтамыш

продолжил дело Донского и окончательно добил Мамаю в битве на реке Калке... Так почему ордынский хан Тохтамыш поздравил русского князя с победой «над Ордой», и кто такой вообще этот Тохтамыш? В Орде что – два хана было? И почему Тохтамыш, который поздравил Дмитрия с победой над Мамаем, через два года пришел и сжег Москву?

Отчего историк Афанасьев в одном из интервью стгоряча бросил: «Если бы самому Дмитрию Донскому сказали эти слова – "освобождение от татар", – он бы с ума сошел... Ничего даже близкого к "освобождению от татар" у него в голове не было». Словам историка можно поверить, учитывая, что своему взлету Московское княжество было обязано как раз татарам – именно они выдавали московским князьям – потомкам коллаборациониста Александра Невского – ярлык на великое княжение, то есть назначали их ответственными за сбор дани со всех русских земель. Естественно, к вороватым рукам Москвы при этом кое-что прилипало. Москва богата и прибирала под себя окрестные земли, действуя где лаской, а где кнутом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.